

На правах рукописи

Стрельцов Алексей Михайлович

**КОНЦЕПЦИЯ БЕССТРАСТНОГО СТРАДАНИЯ
В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ**

09.00.03 – История философии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Томск – 2019

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте философии и права Сибирского отделения Российской академии наук.

Научный руководитель: доктор философских наук, доцент
Вольф Марина Николаевна

Официальные оппоненты:

Лурье Вадим Миронович, доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, сектор истории российской социологии Социологического института РАН – филиала ФНИ СЦ РАН, ведущий научный сотрудник

Баранов Владимир Александрович, кандидат философских наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, издательско-полиграфический центр, ведущий переводчик; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств», научно-исследовательский отдел, младший научный сотрудник

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

Защита состоится 19 февраля 2020 г. в 12 ч. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.01, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина 36 (учебный корпус № 4 ТГУ, аудитория 306).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ: <http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/StreltsovAM19022020.html>

Автореферат разослан « ___ » января 2020 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук, доцент

Эннс Ирина Андреевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В первой главе книги Θ «Метафизики» Аристотель проводит различие между способностью вещи претерпевать изменение по причине внешнего воздействия либо по внутренним основаниям и невосприимчивостью к такому претерпеванию, которое бы подразумевало изменение к худшему и в конечном счёте уничтожение (Metaph. 1046a 11–15).

Применительно к Богу, который понимается как наивысшее совершенство, допустить претерпевание означало бы впасть в противоречие. Бог не может меняться к худшему (а только такое изменение в силу указанного условия ему остаётся) и пребывать при этом Богом. Поэтому неудивительно, что одним из атрибутов «Бога философов» постулировалось бесстрастие, ἀπάθεια.

Была ли эта концепция актуальной проблемой в античной философии? Даже если учесть неизбежный аспект привнесённости интерпретаторами проблематики «единого-многого» и «покоя-движения» в корпус текстов древнегреческой философии, трудно спорить с тем, что эти проблемы действительно ставились и решались античными авторами, начиная с досократиков. Проблема же бесстрастия или божественной невосприимчивости к претерпеванию (ἀπάθεια) vs. способности претерпевания (πάθος, πάθη) Бога или богов практически не идентифицируется как таковая в ранних источниках, поэтому неудивительно, что во время становления классической греческой философии теме бесстрастия Бога не уделялось пристального внимания.

Однако в Поздней Античности положение дел меняется. Тринитарные и христологические споры эпохи патристики показывают, что вопрос о бесстрастии Бога был одним из центральных аспектов полемики различных партий: если христиане утверждали божество Иисуса Христа, человека, которого они полагали основателем своей религии и которого исповедовали как «страдавшего при Понтии Пилате», то что это означало применительно к устоявшейся концепции бесстрастия Бога? Соответственно, в патристической литературе 5–6 веков большое место занимает выглядящая парадоксальной концепция «бесстрастного страдания» Бога, давшая название данному диссертационному исследованию. Не может не обратить на себя внимание само количество текстов, в которых говорится, что Бог бесстрастен, но в то же время Он пострадал в определённом отношении. Откуда взялся такой язык и почему вокруг него ломалось так много копий в это время? Можно ли здесь провести какие-либо взаимосвязи с окружающим философским контекстом Поздней Античности или же такое словоупотребление и сама постановка вопроса были свойственны исключительно внутрехристианской среде как отдельному, изолированному феномену, характеризующемуся, как нередко представляется, резким падением интеллектуальной культуры и взявшему поэтому на вооружение красивые, но совершенно бессмысленные формулы? Таким образом,

возникает **проблема** совместимости учений античной философии и складывающейся христианской философии и теологии в отношении представлений о бесстрастии либо претерпевании Бога. Известно, что максима античной философии *ex nihilo nihil fit* претерпела радикальное преобразование в раннехристианской теологии с её доктриной *creatio ex nihilo*. А как обстоит дело в отношении концепции бесстрастного страдания Бога: имеем ли мы здесь подобный разрыв или же более гибкое взаимоотношение? Иначе говоря, вопрос заключается в том, было ли заимствование этой концепции представителями одного лагеря у другого, и если да, то каков был характер этого заимствования и имела ли место дальнейшая разработка этой концепции. Мы утверждаем, что, несмотря на то, что большая часть христологических споров 5–6 веков имеет отношение скорее к истории догмы, чем к философии, имелись и попытки рациональной аргументации и разрешения кажущегося противоречия между бесстрастием Бога и богостраданием (теопасхизмом), в рамках которых использовался язык «бесстрастного страдания», а философские концепции явно либо опосредованно использовались в этих позднеантичных дискуссиях.

Из такой постановки вопроса вытекает и **актуальность** нашей работы. Что происходит, когда люди пользуются одним тем же языком, но вкладывают в него новое содержание? Или когда, наоборот, пытаются сохранить базовую «матрицу» философствования даже при изменении семантики? Усматривать ли во взаимоотношении двух данных исторических эпох скорее разрыв или преемственность? Данная работа призвана внести вклад в осознание преемственности философской мысли Античности и патристики на примере исследования истории концепции «бесстрастного страдания», имевшей такое важное значение в христианском дискурсе.

То, что теология не могла обойтись без использования философии и философского языка и то, что сами теологические задачи решались с привлечением философских понятий, способствовало сохранению античного наследия и донесению его до нашего времени, что позволило в диссертационном исследовании акцентировать внимание в рамках решения выявленной проблемы скорее на преемственности двух эпох, чем на разрыве между ними, при том, что были отмечены как сходства, так и различия между решениями философов и подходами теологов в Поздней Античности.

Таким образом, актуальность работы обусловлена необходимостью наведения мостов между парадигмами или дискурсами, которые выглядят несоизмеримыми, притом что осмысление их исследователями могло бы только обогатиться от создания пространства диалога.

Степень разработанности темы исследования. В литературе на русском языке не имеется специализированных исследований на данную тему, но даже и за его пределами сравнительно небольшое число исследователей даёт себе труд обратиться к какому-либо историко-философскому рассмотрению положения о бесстрастном страдании Бога в контексте вышеупомянутой проблемы совместимости (Г. Фронхофен, Дж. Холлман, П.Л. Гаврилюк). В ряде случаев они пытаются найти у философов

Античности либо раннехристианских писателей подтверждение своих мнений вместо того, чтобы реконструировать положение дел на основе самих текстов. В данном случае, в частности, имеется в виду спор между защитниками бесстрастия Бога и пассивистами (сторонниками представления о способности Бога к претерпеванию) в рамках современной философской теологии, участники которого на наш взгляд нередко тенденциозно трактуют взаимосвязь античной философии и патристики в этом отношении.

Несмотря на определённую популярность тематики взаимоотношения неоплатонизма и христианства, поставленная нами в диссертации проблема совместимости остаётся за бортом множества работ. В этой связи исследования, в которых так или иначе упоминается проблематика «бесстрастного страдания» в поздней Античности, совершаются нередко в изоляции от более общего контекста данной проблематики.

В частности, философия Плотина в последние годы посвящается постоянно растущее число исследований, причём в ряде работ затронута и его концепция бесстрастия (Дж. Диллон, Б. Флит, П. Каллигас, К. Нобл). Тем не менее, в этих трудах практически не уделяется внимания рецепции платиновской парадигмы «бесстрастия бестелесных» в патристике. Подобным образом и в дискуссиях, посвящённых христологии отца церкви Кирилла Александрийского, в которых обсуждается его концепция «бесстрастного страдания», за сравнительно редким исключением взаимосвязь с учением Плотина о душе либо не упоминается, либо изложение вопроса излишне лапидарно (Ф.М. Янг, Т.Г. Вейнанди).

Хотя в последние десятилетия был достигнут значительный прогресс в осмыслении философской подоплёки христологического спора, этот вопрос далёк от окончательного разрешения. Консенсус среди исследователей на данном этапе ещё не достигнут. Во-первых, по-прежнему распространена точка зрения, маргинализирующая философскую и теологическую составляющие спора и сводящая его, соответственно, к политическому противостоянию церковных кафедр главных центров Римской Империи (Константинополь, Рим, Александрия, Антиохия). Согласно этому представлению Кирилл Александрийский, с которым в первую очередь и ассоциируется дискурс бесстрастного страдания, одержал победу в первую очередь ввиду предпринятых им дипломатических усилий и демонстрации превосходных риторических навыков (С. Вессел), а теология и философия использовались в этой борьбе из утилитаристских соображений.

Среди тех, кто обращает внимание на содержательную сторону спора, также не наблюдается согласия во мнениях. Одни исследователи считают, что Кирилл Александрийский некритично перенёс положения античной философской теологии в христианскую концептуальную схему, и ему не хватило философской смекалки, чтобы распутать получившееся противоречие (Ю. Мольтманн, Дж. Холлман). Другие недооценивают роль философии в системах Кирилла Александрийского и его противника Нестория, признавая за ними только наличие практических религиозных

убеждений (Дж. О'Киф, П.Л. Гаврилюк). Третьи полагают, что Кирилл Александрийский создал своеобразную христианскую философию, метафизику воплощения, которую можно поставить на один уровень с нехристианскими философскими системами (С. Тростянский).

В настоящем диссертационном исследовании отстаивается мысль, что Кирилл был теологом, который не претендовал на то, чтобы играть с философами на их поле, но при этом использовал доступные ему философские средства и выражения для решения своих специфических задач.

Цели и задачи исследования. Объектом исследования являются тексты, затрагивающие взаимоотношение античной философии и патристики Поздней Античности. **Предмет** исследования – исследование взаимоотношения концепции бесстрастия Бога в античной философии, бесстрастных страстей души в её соединении с телом в философии Плотина и бесстрастного страдания Бога в патристике.

Цель работы состоит в реконструкции сущностной составляющей взаимосвязи между мыслью Античности и патристикой в отношении концепции бесстрастного страдания.

Для реализации данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Установить, где именно и в каком виде концепция бесстрастного страдания присутствует в античной философии;
2. Разобрать концепцию бесстрастного страдания Бога в патристике эпохи христологического спора 5 века с учетом возможного развития этой проблематики в предшествующее время и выявить взаимоотношение данной концепции с положениями античной философии;
3. Выявить и обосновать критику и рецепцию концепции бесстрастного страдания при её дальнейшем развитии в раннесредневековой мысли.

Научная новизна. Следующие аспекты исследования претендуют на концептуальную и интерпретативную новизну.

Во-первых, впервые в отечественных и иностранных работах осуществлено специальное исследование, разбирающее проблематику бесстрастного страдания на столь обширном материале, хронологически охватывающем несколько столетий;

Во-вторых, разобрано понятие «бесстрастной страсти» (*ἀπλαθῆ πάθη*) как имеющее ключевое значение для понимания психологии Плотина, а именно его концепции о том, как душа может оставаться бесстрастной в союзе с претерпевающим телом. Ряд других положений Плотина интерпретирован в контексте этого ключевого утверждения;

В-третьих, в работе выявлены, с одной стороны, импликации соединения умопостигаемой и чувственновоспринимаемой сущностей в философии Плотина и последующих неоплатоников как связующее звено между античной философией и обсуждением бесстрастного страдания Бога в патристике, и в то же время показаны теологические основания данной концепции, присущие самой христианской традиции;

В-четвёртых, в работе подчёркнуты принципиальные различия в подходах теологов и философов в отношении концепции бесстрастного страдания. Философские понятия в патристике привлекались для узкотеологического дискурса (в данном случае в поисках разрешения христологического вопроса, которому в историко-философских исследованиях уделялось значительно меньше внимания в сравнении с тринитарным вопросом), внутри которого при этом философия продолжала так или иначе выживать, а местами даже процветать, несмотря на то, что решались собственно теологические, а не философские задачи;

В-пятых, введены в научный оборот новые тексты (в частности, кружка скифских монахов), которые практически не освещались в историко-философской литературе.

Теоретическая и практическая значимость проведённого исследования состоит в представлении новой интерпретации развития философии на стыке Античности и Средневековья, которая наводит герменевтические мосты между парадигмами данных эпох и показывает их преемственность. Также она усматривается в выработке критериев оценки изменения содержания учения даже при сохранении используемого терминологического аппарата во время исторических преобразований.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы как для дальнейших историко-философских исследований по смежным темам, так и для чтения курсов по античной философии, патристике, средневековой философии, философии религии.

Методология и методы исследования. В настоящем исследовании мы применяем метод концептуальной реконструкции понятий, учений и результатов философской деятельности ряда античных и раннехристианских авторов в рамках решаемой нами проблемы. В этом смысле наш подход ближе к исторической реконструкции (следуя терминологии Р. Рорти), чем к апроприационизму, поскольку без базового понимания исторического контекста эпохи никакое исследование не может претендовать на состоятельность. Природа текстов Поздней Античности, служащих источниками данного диссертационного исследования, такова, что вычленив из них рациональные, не привязанные к конкретной эпохе идеи невозможно без учёта сложнейших социокультурных, политических, теологических факторов. При этом (при ряде исключений) мы не полагаем вопросы авторства и датировки отдельных документов критичными для нашей аргументации.

Для цели реконструкции мы осуществляем интерпретацию исследуемых философских текстов. В данном случае используются следующие методы:

1) Метод сравнительного текстуального анализа. В рамках этого метода сравниваются, сопоставляются тексты на сходную тематику, принадлежащие как разным эпохам, так и традициям философствования, выражающие похожие или противоположные точки зрения на исследуемый вопрос, открыто либо завуалированно критикующие позицию оппонентов;

2) Герменевтический метод. В данном случае в первую очередь имеется в виду пресловутый герменевтикейский круг – поочередное движение от части к целому и обратно для лучшего прояснения сути изучаемого вопроса;

3) Метасхематический метод. Применение в данном диссертационном исследовании, особенно во второй и третьей его главах, этого метода, который в первую очередь ассоциируется со спутником И. Канта И. Г. Гаманом и означает в его случае личную вовлечённость автора в описываемые им события, а также не прямой способ передачи контента, здесь понимается как признание того, что обсуждение бесстрастного страдания (или бесстрастия) Бога в текстах поздней Античности не может быть правильно воспринято без понимания, как та или иная позиция соотносится с аксиологическими приоритетами конкретной человеческой жизни (мученичество, аскетизм, евхаристия и др.). Даже если экспликация этих взаимосвязей вынесена в данном диссертационном исследовании за скобки, конкретные интерпретативные решения принимались с учётом того обстоятельства, что в текстах эпохи в теологизованном виде поднимались вопросы аксиологии, выбора приоритетов в человеческой жизни.

Положения, выносимые на защиту. Полученные в процессе решения приведённых выше задач результаты выражаются в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. Показано, что несмотря на концептуальные различия между античными философскими школами, представление о бесстрастии Бога (*ἀπάθεια τοῦ θεοῦ*) имело универсальное распространение и подразумевало не только его неантропоморфный характер, но также внеэмоциональное состояние (блаженство – не эмоция) и отсутствие претерпевания от чего-либо внешнего. Отсутствуя в философской теологии, концепция «бесстрастной страсти» имеет существенное значение в психологии Плотина и неоплатоников, где она служит ключом к пониманию характера взаимоотношения бесстрастного и претерпевающего;

2. В христологических спорах эпохи патристики Александрийская школа (в лице ведущего представителя Кирилла Александрийского) для решения задач, проистекающих из положений христианской догматики, использовала лексическую парадигму «бесстрастных страстей» психологии Плотина применительно к ипостасному единению во Христе и тем самым осуществила преобразование концептуальной схемы философствования, допустив теопасхизм (богострадание) без отказа от универсально принятого положения о бесстрастии Бога;

3. Установлено, что реакция на кирилловскую парадигму «бесстрастного страдания» не была однородной: в то время как ее антиохийские критики (Несторий, Феодорит) остались на позициях дохристианской философской теологии в отношении концепции бесстрастия Бога, и, соответственно, отвергли как лексическую парадигму «бесстрастного страдания», так и выражаемое ей учение, продолжатели акцентов Кирилла Александрийского в лице как ряда сторонников Халкидона, так и

миафизитов¹, использовали или имплицитно принимали его концептуальное истолкование христологии. В то время как все участники споров принимали бесстрашие Бога, они не соглашались относительно допустимости теопасхизма как такового.

Степень достоверности результатов исследования.

Диссертационное исследование стремится руководствоваться принципами научной достоверности, непротиворечивости, интеллектуальной честности. В исследовании вычлняются проблемные вопросы, которые далее изучаются в рамках принятой в историко-философском сообществе методологии рациональной реконструкции. В качестве источников были использованы релевантные тексты философов Античности и раннего средневековья, включающие фрагменты досократиков, сочинения Платона и Аристотеля, стоиков, эпикурейцев, Плотина, Порфирия, Ямвлиха и Прокла, произведения эпохи патристики, особенно Кирилла Александрийского, Нестория, Феодорита Кирского, Леонтия Иерусалимского, Леонтия Византийского, Иоанна Максенция, Севира Антиохийского и Иоанна Филопона, а также современные исследования авторов, осуществлявших анализ данных текстов, а именно Дж. Диллона, К. Нобла, Г. Фронхофена, Дж. Холлмана, Г. Чедвика, Ф. Янг, П. Гаврилюка, С. Тростянского и других. При обращении к первоисточникам по возможности использовалась база данных TLG и другие стандартные ресурсы, хотя в случаях, когда существующие переводы на русский язык не вызвали возражений, они использовались и ссылки приводились на эти издания. Основные положения работы были представлены на российских, международных и иностранных конференциях, в том числе на английском языке, опубликованы в статьях в периодических изданиях, в том числе входящих в список ВАК, индексируемых в российских и международных базах данных (РИНЦ, Scopus, Web of Science), что позволяет считать степень достоверности полученных результатов достаточно высокой.

Апробация результатов исследования. Работа прошла апробацию на всероссийских, международных и иностранных конференциях и семинарах, среди которых можно указать следующие:

– Всероссийская научно-практическая конференция «Восток–Запад: проблемы взаимодействия. Исторический, историографический, источниковедческий, социальный и религиозный аспекты» (НГПУ, г. Новосибирск, 27–28 мая 2013 г.) – доклад на тему «Скифские монахи между Востоком и Западом: богословская география первой половины VI века».

– 6 Московская Международная Платоновская конференция (РГГУ, г. Москва, 31 октября 2018 г.) – доклад на тему «Исследование взаимоотношения между платонизмом и христианством на примере понятия бесстрашия Бога», опубликованы тезисы.

---

¹ Миафизиты (монофизиты, нехалкидониты) придерживались учения об одной природе Христа, халкидониты же, признавшие Халкидонский собор 451 г. как четвертый Вселенский собор, были дифизитами, то есть, учили о двух природах Христа – божественной и человеческой.

– XVI Всероссийская научная конференция молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований» (НГУ, г. Новосибирск, 04–05 декабря 2018 г.) – доклад на тему «Теопасхистская трактовка образа Сократа в контексте Античности и Просвещения».

– 34 Annual Symposium on Exegetical Theology «Themes in the Gospel of John» (CTS, Fort Wayne, Indiana, USA, 15–16 января 2019 г.) – доклад на тему «[God] gave the Son – the only one (John 3:16): Theopaschism as Love».

– Аспирантский семинар (ИФПР СО РАН, 14 февраля 2019 г.) – доклад на тему «Бесстрастие Бога: классический теизм и его пассивистская критика».

– XVIII International Conference on Patristic Studies (University of Oxford, Oxford, UK, 19–24 августа 2019 г.) – доклад на тему «Impassible Passion: Cyril's Unitive Christology at the Crossroads between Christian Tradition and Plotinus' Psychology».

Структура диссертации. В диссертационном исследовании имеются введение, 3 главы, заключение, список сокращений и список литературы, в котором 303 наименования. Общий объем работы – 204 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается проблема и актуальность диссертационного исследования, дается характеристика степени разработанности данной проблемы. Определяются объект и предмет исследования. Формулируется цель работы и приводятся 3 задачи, которые необходимо решить для ее реализации. Определяются основные методологические принципы исследования. Формулируются положения, выносимые на защиту и дана оценка степени достоверности результатов исследования. Прописываются аспекты исследования, претендующие на концептуальную и интерпретативную новизну. Раскрываются теоретическая и практическая значимость проделанной работы. Охарактеризована апробация исследования.

Первая глава «Бесстрастие Бога и бесстрастная страсть души в античной философии» состоит из двух параграфов, в которых обсуждается соответственно проблематика бесстрастия и бесстрастного страдания в античной философской теологии и психологии.

В первом параграфе «Бесстрастие Бога в античной философской теологии» рассматриваются основные античные тексты теологической проблематики на предмет выявления в них концепции бесстрастного страдания Бога или богов.

В подпараграфе 1.1.1 «Терминология» приводятся определения ключевых для работы понятий «бесстрастие» (*ἀπάθεια*) и теопасхизм (*θεολάθεια*). Указано на значительный семантический диапазон понятий «страдание» и «страсть» в греческом оригинале (*πάθος/πάθη*). Проведена дистинкция между пониманием термина *ἀπάθεια* в античной и христианской теологии.

В подпараграфе 1.1.2 «Современная проблематика пассивизма как “ложный след»,» производится оценка подходов theologов к проблеме исследования и отмечается отличие этих подходов от историко-философской методологии. Дается оценка развития пассивизма как современного направления философской теологии, настаивающего на страдании или претерпевании Бога. Приводятся факторы, приведшие к популярности этого направления в 20–21 веках. Даны описания критики пассивистами положений античной философской теологии, причём показывается неправомерность этой критики ввиду того, что пассивисты действуют в рамках совсем иной концептуальной схемы, чем та, что была принята в Поздней Античности. Обосновывается, что метафизические озабоченности пассивистов не способствуют прояснению проблемы исследования в историко-философском ключе. Указывается, что догматический подход к проблеме бесстрастия Бога и теопасхизма в Поздней Античности – ложный след.

В подпараграфе 1.1.3 «Античная философская критика примитивного антропоморфизма греческой мифологии и религии» проводится различие между популярными представлениями о богах, характерными для дофилософского эпоса, мифологии, религиозных выражений и собственно античной философской теологией. Указывается на антропоморфизм греческой мифологии и религии. Приводится критика философами антропоморфизма олимпийских богов.

Подпараграф 1.1.4 «Обзор мнений различных философских школ относительно концепции бесстрастия Бога» показывает, что принятие бесстрастия Бога в античной философской теологии было универсальным. Приводится спектр мнений философов на этот счёт, начиная от досократиков и заканчивая неоплатонизмом. В то время как применительно к милетской школе натурфилософии рассуждать ни о теологии, ни о бесстрастии первоначал ещё нельзя, в случае философии Парменида появляются попытки приписать существу отсутствие претерпевания. Заложенные Парменидом методологические основания находят далее применение в философской теологии Платона и Аристотеля. Приводятся свидетельства о бесстрастии в трудах эпикурейцев и стоиков. Утверждается, что у философов имелось общепринятое представление о бесстрастии Бога; оно отличалось от антропоморфизма богов мифологии, религии, мистерияльных культов. Расхождения в понимании бесстрастия между самими философами были частностями, обусловленными различиями между их системами в целом.

Таким образом, показывается, что представление неоплатоников о божественном бесстрастии не представляло собой развитие новых идей, идущее вразрез с предыдущим направлением мысли. Делается вывод, что концепция бесстрастного страдания Бога не может иметь своим основанием положения классической античной философской теологии, которая жёстко настаивала на полном бесстрастии Бога.

Во втором параграфе первой главы «Бесстрастная страсть души в философии Плотина и неоплатоников» зона поиска расширяется и

философские следы концепции бесстрастного страдания в Поздней Античности ищутся за пределами философской теологии.

Подпараграф 1.2.1 «Соединение души и тела как проблема в философии Плотина» разбирает, что теория души как посредника между миром ума и материи получает особое развитие в философии Плотина. Вопрос о природе души имеет первостепенное значение для Плотина ввиду важной для него проблематики предназначения человека в этом мире и поиска им пути к Единому. Утверждается о ключевой роли диалога Платона «Тимей» и трактата Аристотеля «О душе» для осмысления Платином роли страстей. По Плотину, именно соединение души и тела обуславливает появление страстей. Заключается, что согласование бесстрастия души и страстей соединённого с душой тела – ключевая проблема психологии Плотина.

В подпараграфе 1.2.2 «“Бесстрастные страсти,, души как решение Плотина в Епн. 3.6.1–5» разбирается, как Плотин решает эту проблему в важнейшем для этой части диссертационного исследования отрывке из Эннеады 3.6. Дается интерпретация мысли Плотина через ключевое для этой части трактата понятие «бесстрастных страстей» (*ἀπαθῆ πάθη*) души, которое Плотин выстраивает в рамках хиастической структуры. Душа ощущает, но ее ощущения (*αἰσθήσεις*) не есть претерпевания, по крайней мере, в смысле претерпеваний тела: душа совершает «усвоение» (*οἰκειώσις*) страстей тела, сама не претерпевая. Делается вывод, что выглядящее парадоксальным выражение Плотина о «бесстрастной страсти» вполне удовлетворяет задачам его психологии.

В подпараграфе 1.2.3 «Развитие концепции в трудах Порфирия, Ямвлиха и Прокла» обсуждается, как концепция «бесстрастной страсти» Плотина выражается в философии последующих неоплатоников. Показывается некоторое отличие учения Ямвлиха, ограничившего бесстрастие «чистыми душами», от магистральной линии Порфирия и Прокла, утверждающих подобно Плотину о бесстрастии всех нематериальных сущностей в их соединении с телами.

В выводах по главе 1 делается вывод, что в то время, как концепция «бесстрастной страсти» отсутствует в античной философской теологии, она встречается в психологии Плотина и неоплатоников, где служит ключом к пониманию характера взаимоотношения бесстрастного и претерпевающего.

Вторая глава «Бесстрастное страдание в патристике 2–5 веков: концептуальный поворот Кирилла Александрийского» раскрывает, как в патристических текстах и особенно в произведениях Кирилла Александрийского осуществляется творческая переработка положений неоплатонической психологии наряду с использованием концептуальных элементов предшествующей христианской традиции.

В первом параграфе «Доникейское христианство и арианский спор» устанавливается, имелись ли в самой раннехристианской традиции элементы концепции «бесстрастного страдания» в какой-либо примитивной или предварительной форме.

В подпараграфе 2.1.1 «Теопасхизм, пассивизм, патрипассианство: прояснение терминологии» вводится терминологическое уточнение, что теопасхизм в терминах христианской теологии говорит о страданиях Бога Сына в отличие от утверждений о страдании Бога вообще (пассивизм) или Бога Отца (патрипассианство).

В подпараграфе 2.1.2 «Ἀπάθεια и теопасхистские формулы в доникейском христианстве» демонстрируется, что в раннехристианских источниках отмечены случаи употребления понятий бесстрастия и в то же время страдания Бога и вне контекста Плотина, хотя эти выражения могли не сопровождаться каким-либо философским размышлением. Утверждается, что в таком случае воздействие философии Плотина на патристическую терминологию не было эксклюзивным.

В подпараграфе 2.1.3 «Бесстрастие Бога и страдание Логоса как фактор в арианском споре» обсуждается степень возможного теопасхизма арианского дискурса. Обосновывается, как арианский спор обусловил последующее развитие христологического спора и повышенное внимание к теме бесстрастия и теопасхизма. А именно, показывается, что рациональное разведение бесстрастия Бога и страдания Логоса арианами не испытывало потребности в концепции «бесстрастного страдания», потому что ариане особенно подчеркивали нетождественность Логоса высшему нерожденному Богу. Напротив, православное решение, выразившееся в утверждении единосущия Сына Отцу в никейском вероопределении 325 г., вплотную приступило к разработке христологического вопроса, осознанию необходимости согласовать признание страдания Сына как «Бога истинного от Бога истинного» с универсально принимаемой доктриной бесстрастия Бога самого по себе.

В подпараграфе 2.1.4 демонстрируется, что Немесий Эмесский являет переходный этап между антропологией и собственно христологической проблематикой.

Второй параграф «Вклад Кирилла Александрийского» разбирает особенности концепции «бесстрастного страдания» Бога в учении Кирилла Александрийского.

В подпараграфе 2.2.1 «Место концепции “бесстрастного страдания,, в творчестве Кирилла Александрийского» приводятся случаи употребления Кириллом терминологии бесстрастного страдания. Показывается, что язык «бесстрастного страдания» прослеживается практически на всех этапах литературной карьеры Кирилла, и его нельзя объяснить только полемикой, хотя концепция бесстрастного страдания и имела ключевое значение для понимания сути христологического спора между Кириллом и Несторием. Делается вывод, что такое целенаправленное словоупотребление указывает на глубинные основания христологии Кирилла Александрийского.

В подпараграфе 2.2.2 «Источники и философские основания концепции “бесстрастного страдания,, Кирилла Александрийского» приводятся, во-первых, непосредственные источники Кирилла в рамках христианской традиции (Афанасий Александрийский, Григорий Богослов), и, во-вторых, философские основания усматриваются в психологии Плотина.

Утверждается, что использование Кириллом концепции бесстрастного страдания не было вызвано незнанием логики и неспособностью к рациональному мышлению.

Исследуется и подвергается критике интерпретация С. Тростянского о ключевом значении второй гипотезы «Парменида» Платона для понимания Кирилловой концепции бесстрастного страдания.

Обосновывается, что Кирилл не ограничивается терминологическим заимствованием каких выражений как «бесстрастное страдание» и «усвоение», но также использует аналогию (выражения «антропологическая модель» или «антропологическая парадигма» признаются неудачными ввиду их ригидности, не подразумеваемой в понятии аналогии) человека как соединения души и тела в качестве главного из образов, характеризующих воплощение.

В подпараграфе 2.2.3 «Концептуальный поворот Кирилла Александрийского» показывается, что Александрийская школа в лице её ведущего представителя Кирилла Александрийского для решения поставленной перед ней задачи совмещения представления о бесстрастии Бога и исповедания страдания божественного Христа использовала лексическую парадигму «бесстрастных страстей» психологии Плотина применительно к ипостасному единению во Христе и тем самым осуществила преобразование концептуальной схемы философствования, допустив теопасхизм. Делается вывод, что решение Кирилла Александрийского о «бесстрастном страдании» божественного Логоса работало в рамках христианской парадигмы, удовлетворяло задачам христианской догматики, так же как решение Плотина относительно бесстрастия бестелесных удовлетворяло нуждам его учения о душе.

В выводах по главе 2 подытоживается характер предпринятого Кириллом Александрийским концептуального поворота при обосновании им концепции «бесстрастного страдания».

Делается вывод, что Кирилл не воспринимал некритически положения греческой философии, но при этом и не опирался исключительно на библейские или патристические тексты без какой-либо философской подоплеки. Таким образом, Кирилл интерпретируется как теолог, который использовал и приспособлял философию (в его случае – неоплатоническую) скорее как «служанку».

Глава 3 «Критика и рецепция концепции бесстрастного страдания Кирилла Александрийского в христианском дискурсе 5–6 веков» в большей степени дескриптивна и ставит целью фиксацию неоднородности реакции последующей христианской традиции на концепцию «бесстрастного страдания».

В первом параграфе «Антиохийская критика позиции Кирилла» приводится взгляд антиохийской теологической школы, настаивающей на строгом бесстрастии Бога.

В подпараграфе 3.1.1 «Несторий» приводятся аргументы Нестория как этапа активной фазы его полемики с Кириллом, так и образца его

позднего сочинения «Книга Гераклида» против концепции «бесстрастного страдания». Утверждается, что теопасхизм Кирилла был основной проблемой для Нестория, и что несмотря на местами сходную терминологию Несторий действует в рамках иной парадигмы, чем Кирилл, а именно, жестко разводит бесстрашие и страдание в соответствии с концепцией античной философской теологии.

В подпараграфе 3.1.2 «Несторианские тексты более позднего времени» приводятся доводы позднейших несториан, которые представляют собой развитие и продолжение той же линии полемики.

В подпараграфе 3.1.3 «Феодорит Кирский» приводятся и обсуждаются критические ремарки Феодорита против концепции «бесстрастного страдания», содержащиеся в его диалоге «Бесстрастный» (ἀπλαθῆς) в трактате «Эранист».

Во втором параграфе 3.2 «Продолжение линии Кирилла» приводятся случаи рецепции положения Кирилла Александрийского в христианской мысли.

В подпараграфе 3.2.1 «Теопасхистский спор 6 века: Иоанн Максений и скифские монахи» демонстрируется, что в контексте этого спора собственно теопасхистские импликации христологии Кирилла Александрийского были выражены в максимально возможной степени в рамках дифизитской христологии.

В подпараграфе 3.2.2 «Леонтьевский корпус» обсуждается двоякость позиции Леонтия Иерусалимского и Леонтия Византийского, использовавших концепцию бесстрастного страдания как против несториан (для обоснования теопасхизма), так и против миафизитов (для обоснования бесстрастия).

В подпараграфе 3.2.3 «Полемика внутри миафизитского лагеря: Севир Александрийский, Сергей Грамматик, Иоанн Филопон» приводятся отдельные случаи осмысления концепции «бесстрастного страдания» в русле нехалкидонитской христологии с указанием на нюансы, проистекающие из отказа от дифизитской позиции. Утверждается, что рассмотрение связи христологии Иоанна Филопона с концепцией «бесстрастной страсти» Плотина некорректно без обращения к наследию Кирилла Александрийского.

В выводах по главе 3 проводятся параллели между неоднородностью реакции на концепцию «бесстрастного страдания» и крупнейшим расколом христианской ойкумены, не преодоленным до сих пор. На основании приведённых свидетельств упоминается о четырех отчетливо выраженных позициях: несториане, криптонесториане, кирилловские халкидониты, миафизиты. Две первые группы отвергали концепцию «бесстрастного страдания» в смысле христологии Кирилла, две вторые – принимали.

В заключении диссертации подводятся общие итоги исследования, отмечается, каким образом выполнены поставленные в исследовании задачи, формулируются выводы и намечаются перспективы использования полученных результатов для продолжения исследований по этой теме.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в журналах, включённых в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук:

1. **Стрельцов А. М.** Аксиологическая проблематика призвания философа в «Сократических достопримечательностях» И. Г. Гамана / А. М. Стрельцов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 43 (3). – С. 111–116. – DOI: 10.17223/1998863X/43/10. – 0,4 а.л.

Web of Science: **Streltsov A. M.** Axiological problems of the philosopher's calling in Hamann's socratic memorabilia / A. M. Streltsov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta-Filosofiya-Sotsiologiya-Politologiya – Tomsk state university journal of philosophy sociology political science. – 2018. – № 43 (3). – P. 111–116.

2. **Стрельцов А. М.** Концепция бесстрастия Бога в древнегреческой философии: был ли консенсус? / А. М. Стрельцов // Сибирский философский журнал. – 2018. – Т. 15, № 4. – С. 257–266. – DOI: 10.25205/2541-7517-2018-16-4-257-266. – 0,5 а.л.

3. **Стрельцов А. М.** Бесстрастная страсть в философии Плотина / А. М. Стрельцов // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2019. – Т. 13, № 1. – С. 226–334. – DOI: 10.25205/1995-4328-2019-13-1-226-234. – 0,5 а.л.

Web of Science: **Streltsov A.** Impassible passion in psychology of Plotinus / A. Streltsov // Schole-Filosofskoe Antikovedenie I Klassicheskaya Traditsiya – Schole-Ancient Philosophy and the Classical Tradition. – 2019. – Vol. 13, № 1. – P. 226–334.

4. **Стрельцов А. М.** Теопасхистские формулы в контексте концепции бесстрастия Бога в раннем христианстве / А. М. Стрельцов // Сибирский философский журнал. – 2019. – Т. 16, № 1. – С. 216–224. – DOI: 10.25205/2541-7517-2019-17-1-216-224. – 0,54 а.л.

5. **Стрельцов А. М.** Основания современного пассивизма и проблема его совместимости с античной философской теологией / А. М. Стрельцов // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 2. – С. 155–170. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.1-155-170. – 0,92 а.л.

Публикации в других научных изданиях:

6. **Стрельцов А. М.** Бесстрастие Бога и бесстрастное страдание Бога в поздней античности: антагонизм или преемственность? / А. М. Стрельцов // Платоновские исследования. – 2018. – Т. 9, № 2. – С. 137–145. – DOI: 10.25985/PI.9.2.10. – 0,46 а.л.

Подписано в печать 02.12.2019 г. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. 0,92 л.
Тираж 100 экз. Заказ № 542

Отпечатано в типографии «АЛЕКСПРЕСС»
ИП Малыгин Алексей Михайлович
630090, Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 6/1, оф.104
Тел. (383) 217-43-46, 8-913-922-19-07

